

"НЕ ПЛАЧЬ, АЛИСА, ТЫ СТАЛА ВЗРОСЛОЙ..."

Молодежь Жетокши. - Ташкент. - 1991. - 10 апр.

- У вас такая громкая, такая знаменитая фамилия. Она очень обременяет?

- Нет, почему же! Напротив, она много раз мне помогала. Разве что в детстве доставляла некоторые неудобства, потому что ребята дразнились: "О, Пушкин!" - и еще всякая ерунда. Но я мало обращал на это внимания. Мне очень нравится моя фамилия.

- А вы сами ощущаете, куда она уходит корнями, что такое фамилии Державиных, Карамзиных в плане духовного богатства России?

- Ну, конечно, мне все это далеко не безразлично.

- Интересно, а вот ваше поколение, в принципе, представляет себе, что такое российская история и какой потенциал она в себе таит?

- Не берусь судить о целом поколении, это слишком рискованно. Но, по-моему, не представляет. Потому что мое поколение, как мне кажется, гораздо лучше представляет себе некоторые другие вещи. Ну, в частности, как выжить в современных условиях, в частности, в условиях жестокой конкуренции. Вот это, мне кажется, мое поколение представляет себе наиболее отчетливо. И в связи с этим стремлением выжить и пробиться не у всех хватает времени на театр, на изучение не то что Державина - хотя бы Пушкина.

- Вы хотите сказать, что ваше поколение лучше приспособлено к реальной жизни, чем, допустим, сорокалетние?

- Ну, я думаю, что моему поколению досталось чуть больше испытаний жизненной жестокостью. Перед молодыми внезапно открылась такая бездна, а они ведь, в сущности, еще и жить не начинали. Не успели закончить институты, - и тут же стало выясняться, что они никому не нужны и надо самим брать судьбу за горло. А те, кто жил всю жизнь на сто рублей при Сталине, потом при Брежнев, они и сейчас не очень бедствуют. Навчились приспосабливаться - старое время, старая школа. А моим сверстникам - и потом, опять-таки, Афганистан - времечко выдалось тяжелое.

- Андрей, а сколько лет вашим родителям?

- Моим родителям в среднем 50.

- Они вас хорошо понимают?

- Великолепно. Но это пришло не сразу, потому что они пытались направить меня по проторенной дороге, то есть сделать из меня какого-нибудь инженера, при этом не исключая комсомольско-партийной карьеры. А я знал, что буду музыкантом, и поэтому пошел по пробитой, но другой колее: самодеятельность, рестораны.

- Наверное, ссорились из-за этого?

- Да, было немного. Они опасались за мое будущее. Но, как показало время, мое

будущее сложилось, ну, скажем так, складывается. И причин для опасений нет. Теперь дружим с родителями. Полное взаимопонимание.

- И давно?

- Ну, уже несколько лет. С тех пор, как я добился известности, признания.

- А как вам это удалось? Согласитесь, вообще трудно быть замеченным. И вдруг - такой рывок к известности.

- Трудно сказать, как это все получилось. Но если в общих чертах, я всегда пишу от души, всегда искренен в своем творчестве и никогда не выдаю песню, которая, на мой взгляд, не пережита. Главное - искренность. Поэтому никогда не писал песни по "производственной" необходимости. У многих, скажем, нехватка репертуара. И потому сочиняют подходящие песни. Вот так я никогда не работал. И не стремился, допустим, к концу года издать очередной альбом. За весь прошлый год написал всего три песни. И нисколько не жалею об этом. А в позапрошлом году было порядка 12 песен. Не знаю, сколько напишу в этом, но никогда не буду писать по какому-то плану.

- А что для вас группа "Сталкер"?

- Я создал ее в Ухте пять с лишним лет назад. "Сталкер" - это не творческий коллектив. Это, скорее, коллектив, который помогает мне в концертной деятельности, в гастрольной. Ну, и потом, это мои друзья. А творчеством я занимаюсь сам. В частности, с Сережей Костровым мы создавали свои песни.

- Вам, наверное, безумно трудно попасть в Москву, на эту "ярмарку невест"?

- Думаю, это будет неинтересно слушать, как я там скитался. Я и сам толком не могу понять, как мне это удалось, но я к этому стремился. Почему-то я был уверен с детства в том, что обязательно буду жить в Москве. Так же, как уверен в том, что буду жить, скажем, в каком-то американском городе. То есть, не совсем уехать, а иметь там дом, землю. Мне кажется, есть смысл к этому стремиться. Не хочется замыкаться в рамках одной страны, одной республики, одного города.

- Одноклассники вам завидуют?

- Я вообще-то давно не видел своих одноклассников. Думаю, может, немножко и завидуют, но, скорее, любят, потому что у нас был дружный класс. Ведь завидуют враги.

- Какая у вас была репутация в классе?

- Думаю, неплохая. Хотя я занимался больше музыкой, чем какой-то там общественной работой. И всегда был равнодушен к сбору металлолома. Всегда чувствовал, что из этого ничего хорошего не получится. Моя группа играла на всех школьных вечерах. Не знаю, насколько хорошо мы тогда играли, но ребятам нравилось.

- Как называется музыка,

которую вы пишете?

- Это все же ближе к поп-музыке. Может быть, дань моде. Может, наиболее привычно для уха.

- Из-за ритма?

- Ну вообще, время такое. Скажем, 70-е годы - рок-музыка. 80-е - поп-музыка. Устанем от этого - будем делать другие аранжировки. Но вообще-то аранжировка - это просто так, бумажка оберточная от конфетки. Завернуть можно во что угодно. А вот если я написал хорошую мелодию - она сама по себе уже замечательная. И

кой решили написать такую песню, чтобы ее поняли. На мой взгляд, получилось. Потому что каждый человек помнит день, когда ему исполнилось 16. Или 18. И в этот день он чаще всего остается под утро наедине с собой. И вдруг понимает, что кончилось детство и начинается что-то большое. И действительно, в эту минуту становится несколько тоскливо, жутковато. Уверю вас, каждый человек помнит в своей жизни это состояние, этот момент. По крайней мере, я вспомнил, мои

С Андреем ДЕРЖАВИНЫМ
беседует
наш корреспондент
Элла АГРАНОВСКАЯ

прекрасно прозвучит хоть на баяне, хоть на пианино.

- А как вы думаете, у вас есть еще такие песни, которые обладают таким же магнетическим действием, как "Не плачь, Алиса"?

- Думаю, что да. У меня материала на три большие пластинки.

Мне разные люди говорили, что многие песни их трогают, что они находят в них что-то для себя. Но, конечно, самый широкий резонанс получила вот эта песня - "Не плачь, Алиса". Тема нетронутая. Может, и тронутая, но неразработанная. О чем все поют? О любви. А о любви можно петь по-разному. И о выпускном вечере как-то все не так пелось, на мой взгляд. А мы с Сереж-

друзья вспомнили - и среагировали на это. Знаете, мне звонили многие пожилые люди. Одна актриса из Москвы позвонила в день своего 50-летия. Плакала и говорила: "Спасибо". Было так приятно: человек дожил до 50 лет и благодаря моей песне ощутил себя 16-летней.

- Она действительно очень трогательная. Сколько сейчас песен! Безумное количество. Я понимаю, что вы, профессионалы, как-то различаете их, по-своему. А когда на обыкновенного слушателя обрушивается из "телеящика" весь этот шквал, то редкое, что действительно трогает и волнует, выхватывается мгновенно. Я даже не могу

объяснить, почему именно - как электрический разряд.

- Потому что искренне. Многие, может, и не поймут, что значит - искреннее, но я это хорошо очень чувствую.

- И еще, в этой песне есть какая-то интеллигентность, чувства, что ли. Сейчас ведь ее очень мало. Да и где взять...

- Наверное, интеллигентность качество изначальное. Мои родители интеллигентные люди, бабушка с дедушкой были интеллигентами. В музыкальной школе я учился у очень интеллигентной женщины, педагога, которого до сих пор люблю и помню. Во мне это заложено, наверное, с детства. Скорее всего, так и есть: в самом подходе к воспитанию закладывается интеллигентность. Я помню, когда у меня отняли моего педагога (ее просто сократили), это была самая большая трагедия: все равно что маму отняли. Она учила меня шесть лет, через нее я полюбил музыку. Понимаете? И это очень сильная любовь. И, видимо, это осталось, хотя с тех пор столько событий прошло.

- Но, вообще, так оно и есть, что гении рождаются в провинции, а умирают в Париже?

- Во-первых, я себя не считаю гением, а, во-вторых, чаще всего так и бывает. Потому что, если посмотреть на всех наших звезд, то ведь в Москву они попали из провинции. Отсюда легко делается вывод...

- Но у вас уже все в порядке?

- Очень рискованно заявлять, что у тебя все в порядке. По двум причинам. Во-первых, могут прийти и попросить поделиться. А во-вторых, здесь ничего не гарантировано. Наши успехи - мираж. Открыли клапан, дали подышать - почувствовали себя немножко капиталистами, ну те, кто сумел заработать что-то. И в этом смысле человек никак не защищен от преступности. А если завтра власти закрутят клапан в обратную сторону, мы снова окажемся бесправными людьми. Поэтому в наших широтах на эту тему трудно говорить. Когда я буду богатым, построю себе домик за границей, вот тогда уж мне будет наплевать на то, что происходит в ЦК. Я буду улыбаться в любой ситуации.

- Вам приходится охранять себя?

- Ну, конечно, приходится. У меня есть охрана.

- Большая?

- Это, в общем-то, производственный секрет. Не буду раскрывать структуру, но достаточно серьезная. Но, знаете, между людьми, у которых есть деньги и у которых их нет, бои не происходят. Быва-

ет другое: если человек себя неправильно повел, допустим, зажрался - вот таким людям чаще всего и достается. Но я не считаю, что зажрался и не могу назвать себя очень богатым человеком. Но вообще, основная задача охраны состоит в том, чтобы предотвращать серьезные конфликты. Мы сейчас с вами залезем в профессиональные дебри, а это ни к чему. А вообще охрана нужна. Потому что милиция защитить не может.

- От публики вас тоже нужно защищать?

- Не от публики, а от дураков. Россия всегда славилась дорогами и дураками. Всегда находятся один-два дурака, которых надо ставить на место.

- А в Таллинне не трогают?

- Нет! Здесь культура гораздо выше. Нет такого, что кто-то выскочит на сцену, схватит за плечи: мол, браток, спасибо! При этом еще предложит выпить полстакана. А если я не пью, то обидя: мол, не уважаешь. Макаревич хорошо сказал по этому поводу. Была у него в одном из российских городов такая ситуация: он отработал сольный концерт, устал, тут к нему подлетела толпа - и давай по плечам хлопает! Кто по щеке, так, по-дружески. "Андрюха, давай с тобой выпьем, ты такой классный парень!" В общем, помяли человека в результате. А рядом стоял местный администратор, который за всей этой сценой наблюдал, и как бы в оправдание: "Вы уж нас простите, у нас тут провинция, бездуховность, бя!" Что тут скажешь!

- А у нас руками не норовят потрогать?

- Может, и норовят, но не кирпичом, не ломом - нормально.

- А девушки одолевают?

- Одолевают.

- Тоже нормально?

- Но я же молодой, красивый - конечно, должны.

- А пишут, что, к примеру, замуж хотят?

- Пишут. Пишут, что хотят замуж, что ребенка хотят родить и так далее. Но есть и интересные письма. Кто-то обращается за помощью, есть люди, которым не с кем поделиться больным, тревожным.

- И вы понимаете их?

- Конечно.

- У вас есть время отвечать на письма?

- На это немного времени нужно, совсем чуть-чуть. Тем более, я часто в дороге - в поездах, в самолетах. Можно выбрать время написать. По этой части у меня отсутствуют амбиции.

Фото Файви КЛЮЧКА.